

РЯЗАНСКИЕ РЕАЛИИ В РАССКАЗАХ Я.П. ПОЛОНСКОГО «ГРУНЯ» и «ДОМ В ДЕРЕВНЕ»¹

В статье исследуется отражение рязанских реалий и автобиографического материала в ранних рассказах Я.П. Полонского «Груня» и «Дом в деревне». Сам автор признавался, что основой этих произведений стали его воспоминания о своем отрочестве и о переживаниях этих лет. До сих пор данный аспект рассказов был мало изучен. Основой статьи стал поиск прототипов главных героев, переходящих из рассказа в рассказ. Если у Полонского можно встретить указания на реальные прообразы героев рассказов Саши Красильского и дядюшки Селиверста Семеновича, то о прототипе Василия Хохлова можно только строить предположения. Для комментирования этих произведений привлекались мемуары Я.П. Полонского «Старина и мое детство», «Школьные годы», краеведческие работы, а также широкий круг архивных источников. В рассказах изображен губернский город, в котором легко узнается Рязань. Картины городского ландшафта, маршруты передвижений героев с большой точностью переданы автором. Бытовые детали рассказов связаны с воспоминаниями Полонского о жизни в доме Кафтыревых на Дворянской улице. Проведенное исследование помогает глубже проникнуть в творческую лабораторию писателя, проследить путь от реальных фактов к художественным образам.

Я.П. Полонский, ранние рассказы, «Груня», «Дом в деревне», автобиографический аспект, рязанские реалии, герои, прототипы.

Рассказы Я.П. Полонского «Груня» (1853–1859) и «Дом в деревне» (1855) – дилогия, объединенная общими героями и единой сюжетной линией. Оба рассказа насыщены автобиографическим материалом, о чем свидетельствовал сам Полонский в мемуарах «Старина и мое детство»². В дилогии повествуется о годах учения гимназиста, прообразом которого являлся сам автор. В «Груне» ему четырнадцать лет и он недавно поступил в «школу». Полонский был принят в рязанскую I мужскую гимназию на тринадцатом году. В мемуарах он писал, что рассказ «Груня», первоначально называвшийся «Глаша», в Николаевскую эпоху не был пропущен придирчивым цензором именно потому, что тот не без основания заподозрил, будто под «школой» подразумевается гимназия, чьи воспитанники были представлены далеко не идеальными³. В «Доме в деревне» герою-повествователю шестнадцатый год. В «Груне» он, влюбившись в сестру школьного товарища Хохлова, досадует на ее сближение с жильцом, квартировавшим у Хохловых. «Дом в деревне» заканчивается свадьбой Груни с постояльцем.

В рассказе «Дом в деревне» герой увлечен естествознанием, составляет гербарии, изучает свойства минералов. Это – автобиографическая черта. В мемуарах «Школьные годы» Я.П. Полонский рассказывал, что снискал благоволение учителя естественной истории, когда представил ему собственные рисунки минералов и «показал ему тетрадь с сухими цветами и травами, которые я собирал и вставлял в прорезы бумаги». Об учителе он сообщил: «Кажется его фамилия была Воздвиженский»⁴. Действительно, в начале 1830-х годов в рязанской гимназии этот предмет вел Дмитрий Тихонович Воздвиженский⁵. Возможно, он стал прототипом Плимбуса, «учителя натуральной истории», упомянутого в рассказе «Дом в деревне». Развитию интереса Полонского к минералогии во многом способствовали коллекционерские увлечения его дяди и крестного отца Александра Яковлевича Кафтырева. По воспоминаниям Полонского «Старина и мое детство», в его кабинете был целый музей редкостей: «лежали медали, древние монеты, минералы, раковины, печати, куски кораллов и проч.»⁶. В 1834 году статский советник А.Я. Кафтырев пожертвовал для рязанской гимназии 4 книги, 26 раковин и образцы различных минералов⁷.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

² Полонский Я.П. Проза / сост., вступ. ст., примеч. Э.А. Полоцкой. М. : Советская Россия, 1988. С. 335.

³ Полонский Я.П. Проза. С. 271.

⁴ Там же. С. 339–340.

⁵ Историческая записка рязанской I мужской гимназии. 1804–1904. Репр. изд. Рязань : Изд-во РГПУ. 1995. С. 168.

⁶ Полонский Я.П. Проза. С. 284.

⁷ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 609. Оп. 28. Д. 22. Л. 62–62 об.

В обоих рассказах речь идет о школьных приятелях героя – Александре Красильском и Василии Хохлове. Нарисованные Полонским образы восходят к реальным прототипам. В «Школьных годах» поэт называл своим близким другом Александра Красницкого. Гимназический хор каждое воскресенье пел в церкви Николая Дворянского, и Александр Красницкий, «лучший дискант», являлся украшением хора: «У него был удивительный голос. Когда он пел, дамы и девицы, стоявшие в церкви, переглядывались – дескать, откуда такое чудо. Я гордился им настолько же, насколько и любил его. (Под именем Красинского я упомянул о нем в рассказе “Груня” и отчасти в рассказе “Дом в деревне”.)»⁸. На самом деле герой этих произведений назван Красильским.

Отец Александра Красницкого Игнатий Степанович происходил из духовного звания, но, отказавшись от карьеры церковнослужителя, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Окончив ее, он с аттестатом лекаря 2 класса в 1809 году был определен в Ахтырский гусарский полк. Ему довелось участвовать в русско-турецкой войне 1806–1812 годов, в войне с Наполеоном 1812 года и заграничных походах 1813–1814 годов. Он кочевал по разным полкам, но его неизменные добросовестность и усердие были отмечены Александром I: в дар от императора он получил бриллиантовый перстень и золотые часы, был награжден орденом св. Анны 3 степени – «за отменное усердие и деятельность по службе»⁹. Имел также медаль в память о взятии Парижа. Выйдя в отставку в 1823 году, он состоял уездным врачом в Ряжске. В 1826 году Красницкий выслужил чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство, в 1831 году стал надворным советником. Император Николай I также пожаловал его перстнем – за успешные действия по борьбе с холерой¹⁰. Игнатий Степанович от жены Каролины Давыдовны, урожденной Гессер, имел пятерых детей: Иассона, Александра, Константина, Николая и Юлию. Жил он небогато, усадебного и земельного имения у него не было. В 1833 году при его доме в Ряжске числилось всего шесть купленных крепостных душ дворовой прислуги (один мужчина и пять женщин)¹¹. Его сын Александр родился 27 февраля 1819 года в Калужской губернии, где стоял Эстляндский пехотный полк, в котором тогда служил Игнатий Степанович. Крестным отцом Александра стал подполковник Андрей Афанасьевич Рагозин¹². В «Груне» рассказчик сообщает, что его дружба с одноклассником Сашей Красильским началась с того, что однажды на уроке Саша прислал ему свое стихотворение, в котором были строки: «Я без друзей, родных мне милых, / Так одинок, как сирота...». Александр Красницкий был наполовину сирота; когда он поступил в гимназию, отец его уже являлся вдовцом. Видимо, эпизод со стихами носит автобиографический характер. Тронутый посланием Красильского, герой «принялся было отвечать стихами, но успел написать одну лишь строчку: «Есть у тебя друг, ты не одинок, как сирота...» – и тут прозвенел звонок. Стихотворное объяснение мальчиков происходило «в то самое время, когда учитель истории, проводя рукой по лысине и как будто поправляя на голове своей воображаемые волосы, рассказывал нам, как Кир взял Вавилон»¹³. Здесь дается узнаваемый по мемуарам Я.П. Полонского «Школьные годы» портрет гимназического преподавателя Мокия Григорьевича Тарасова, о котором поэт писал, что тот читал историю «сказочным тоном», то и дело «приглаживая ладонью остатки волос своих, загнутых в виде тоненьких прядей с висков и затылка на лоснящуюся середину лысины»¹⁴. Он был добродушен, гимназисты его не боялись и на его уроках занимались, кто чем хотел.

В рассказах «Груня» и «Дом в деревне» Красильский выступает как единственный человек, которому юный герой-рассказчик поверяет свои сердечные тайны. Из рассказа «Дом в деревне» мы узнаем, что Александр пишет чувствительные стихи, не расстается с гитарой и раздаривает приятелям и знакомым девицам свои рисунки. Он склонен к высокопарным фразам и к герою рассказа обращается: «Единственный мой друг в мрачной пустыне бытия, называемой жизнью!»¹⁵. В «Груне» та же характеристика: «Непременно, бывало, он кому-нибудь в альбом рисует или сидит в темном углу с гитарой и с чувством поет тоненьким голоском:

Вот мчится тройка удалая!»

⁸ Полонский Я.П. Проза. С. 335.

⁹ ГАРО. Ф. 98. Оп. 48. Д. 16. Л. 1.

¹⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 47. Т. 10. Д. 7758. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Ф. 98. Оп. 48. Д. 16. Л. 19–20.

¹³ Полонский Я.П. Проза. С. 162.

¹⁴ Там же. С. 340.

¹⁵ Полонский Я.П. Рассказы. СПб. : Тип. Рюмина и К°, 1859. С. 200.

В этом же рассказе дается его портрет: «предобренький, премечтательный мальчик, у него были кудрявые волосы, голубые задумчивые глазки и птичий носик. Любил он носить сюртучок с перехватом». И говорится: «У нас в доме все его полюбили». Но учеба ему не давалась: «память у него была плохая», поэтому он «отчаивался в своих успехах и грустно пророчил, что ему экзамена не выдержать, мучился тем, что это огорчит бедного отца его»¹⁶.

Игнатий Степанович Красницкий, неустанными трудами добивавшийся солидного положения в жизни, ревностно относился к обучению своих сыновей, понимая, что от этого всецело зависит их будущность. Его дети Иассон и Николай после окончания рязанской гимназии продолжили обучение в Московском университете. Младший сын Константин был отдан в Кадетский корпус. И лишь с обучением Александра возникли сложности. Александр Красницкий начал учиться раньше Полонского в подготовительных классах. В ведомостях 1830 года учитель русской словесности отметил, что он способностей «худых», «мало ходит», «все болен»; учитель французского языка записал, что он «ленив» и «неспособен». По математике Александр показал «средственные» успехи, но был «старателен». Зато по истории и географии его аттестовали: «способности порядочные», «успешен». Поведения он был «довольно хорошего»¹⁷. На экзаменационных испытаниях после первого гимназического класса он получил «двойку» по латыни, «единицы» по Закону Божьему, греческому языку и математике, «ноли» по французскому языку и истории. И хотя по русской словесности и немецкому языку у него стояли «четверки», он был вычеркнут из списков¹⁸. В рассказе «Дом в деревне» о Красильском говорится: «бедняжка не выдержал экзамена». Он уехал к отцу в вымышленную деревню Тютюкино «и сказал своей хозяйке, что вряд ли он воротится»¹⁹. В реальности отец Красницкого, видимо, уговорил гимназическое начальство, и его сыну дали возможность продолжить обучение. Его имя в списке переведенных во второй класс вписано позже сверху строки²⁰. Он закончил гимназию одновременно с Полонским с правом получить должность чиновника 14 класса. Сам же он мечтал о воинских подвигах. В «Груне» Красильский признался товарищу: «Как только стукнет мне шестнадцать лет, буду проситься у отца в военную службу, пойду в солдаты. И с свойственной ему мечтательностью уверял меня, что ничего он так не желает, как заслужить мученический венец на поле брани»²¹. Александр Красницкий по окончании гимназии неожиданно для всех вступил в морской Софийский полк.

Больше внимания уделяется в дилогии другому школьному приятелю героя – мещанину Василию Хохлову. В «Груне» говорится: «Вася был у нас в губернской школе первым учеником по списку. Это был “зубрила”, каких у нас в классе не было. Трудлюбив он был до невероятности и не по летам серьезен; самые черты лица его были какие-то не детские. Он был бледен, ходил в стоптанных сапогах и смотрел исподлобья...». Он не имел возможности покупать учебники и терпеливо переписывал их у приятелей. Зато в жалком домишке Хохловых на видном месте висели похвальные листы, полученные Васей в приходском и уездном училищах «как неоспоримое свидетельство успехов и похвального поведения»²². Прообразом Хохлова, видимо, послужил тот мальчик, о котором Полонский упомянул в «Школьных годах», признаваясь, что сам не отличался большими способностями в учении и ходил готовить уроки к гимназическому «товарищу Платонову (мещанину)»²³. Полонский либо запомнил фамилию своего приятеля (как это нередко с ним случалось), либо по какой-то причине счел нужным ее изменить. Ученика с фамилией Платонов в его классе не было. В гимназических списках не нашлось и фамилии Хохлов или похожей на нее. Скорее всего, прототипом Васи Хохлова стал соученик Полонского Василий Мартынов. В гимназию он поступил из уездного училища. Его училищные наставники отмечали, что он способностей «хороших» и «прилежен». По окончании I класса училища десятилетний ученик имел высшие баллы по Священной истории, российской грамматике, поведению; одним баллом менее высшего – по арифметике, латыни и Закону Божьему; по чистописанию – 7 баллов из 10 возможных и лишь по рисованию получил чистый «ноль»²⁴. Мартынов действительно обладал огромным трудолюбием и упорством. К концу второго училищного класса он получил

¹⁶ Полонский Я.П. Проза. С. 161–162, 167.

¹⁷ ГАРО. Ф. 609. Оп. 24. Д. 59. Л. I, 34 об.–35.

¹⁸ Там же. Оп. 26. Д. 16. Л. 3 об.–4.

¹⁹ Полонский Я.П. Рассказы. С. 200.

²⁰ ГАРО. Ф. 609. Оп. 26. Д. 16. Л. 12.

²¹ Полонский Я.П. Проза. С. 167.

²² Там же. С. 142.

²³ Там же. С. 337.

²⁴ ГАРО. Ф. 609. Оп. 25. Д. 4. Л. 22 об.–23, 32 об.–33.

высокий балл даже по рисованию, увеличив при этом количество высших баллов по другим предметам. Недаром в начале учебы в училище на торжественном публичном акте в присутствии училищного начальства, учителей и влиятельных лиц города он и ученик Абрамов «представили разговор о пользе прилежания»²⁵. В училище воспитывался и старший брат Василия Андрей, но в гимназию он не попал. В «Груне» Вася Хохлов говорит, что у него есть брат – «не учится, так живет...»²⁶. У Мартынова был еще младший брат Михаил и сестра Анна. Когда Василий поступил в гимназию, ей было около пяти лет.

В гимназии Василий Мартынов стал одним из лучших учеников, награждался похвальными листами, а на выпуске единственный из класса удостоился серебряной медали – «за очень хорошие успехи и поведение»²⁷. Но его социальное положение было весьма уязвимым. Лишь в 1834 году его причислили к мещанству. Ранее он, как и братья, именовался «воспитанником» отставного подпоручика Мартына Евтропиевича Андропова (по другому написанию – Антропова). Очевидно, Василий, как и другие «воспитанники», являлся незаконнорожденным сыном подпоручика. Отчество Гаврилович он получил «по крестному отцу», а фамилию Мартынов – по имени реального родителя. Матерью его являлась солдатка Аксиныя Ильина (Ильинична), жившая в доме Андропова на правах «няни» детей, воспитывавшихся под его покровительством²⁸. Лишь после кончины Мартына Евтропиевича в 1838 году она стала официально считаться их матерью. Такие ситуации были тогда нередкими и ни для кого не являлись тайной. Возможно, этим объясняется странный диалог, введенный в рассказ «Груня». Герой расспрашивает Васю о его семье. Тот, хотя и занят рассматриванием принесенного ему на время учебника, обстоятельно отмечает, что у него есть отец, сестра, брат. « – И мать есть? – И мать...». Но тут же, спохватившись, поправляется: «Матери у меня нет»²⁹. Так должны были думать посторонние. Жило семейство Андропова скудно, дворовой прислуги у Мартына Евтропиевича не было вовсе, и Аксиныя одновременно выполняла обязанности хозяйки дома, кухарки, прачки и т.д. В «Груне» таково же положение занимавшейся хозяйством в доме Хохлова «платком по-мещански повязанной женщины». Юный герой принял ее за родственницу главы семьи, зная, «что он не нанимал ее», и в то же время наблюдая их довольно короткие отношения. Герой признается: «Я не знал тогда, в невинности души своей и знать не мог, и подозревать не мог, какая жизнь, какие копеечные расчеты, какая бедность обитали в этом домике»³⁰. В «Доме в деревне» Вася согласился ехать на лето в деревенскую усадьбу и стать репетитором помещичьего сына за пятнадцать рублей ассигнациями в месяц. На заработанные им деньги потом и сыграли свадьбу Груни. Следует учитывать, что бумажные деньги в то время (речь идет о конце 1830-х годов) очень обесценились. Даже после реформы, проведенной министром финансов Е.Ф. Канкрином в 1839 году, 3 рубля 50 копеек ассигнациями равнялись одному рублю серебром. Ранее реальная ценность «бумажки» была еще меньше. Недаром дядюшка героя засомневался, устроит ли такая скромная плата даже неизбалованного в материальном отношении гимназиста.

Дом Васи Мартынова, впоследствии унаследованный его братом Андреем, находился в приходе церкви Воскресения Сгонного, стоявшей на площади, носящей сейчас название Свободы. Это – недалеко от нового здания гимназии и дома Кафтыревых, где жил тогда Полонский. Видимо, поэтому его и отпускали к приятелю готовить уроки. Но в «Груне» автор помещает Хохловых на противоположной окраине городка: «Домишко, в котором обитал Вася Хохлов, школьный товарищ мой, находился на краю нашего города, в одной из самых безлюдных мощеных улиц, выходящих в поле <...> Прямо против этой улицы загородная кладбищенская церковь <...> Не доезжая заставы, мы повернули влево. Со стороны Солдатской слободы неслась какая-то свадебная песня; у кладбищенской часовни стоял старик с кружкой...»³¹. В этом описании узнается окраина Рязани того времени близ Московской заставы. Автор поселил Хохлова там, где сам жил в раннем детстве «в квартире на Жандармской улице (или переулке), которая шла от Московской улицы близ заставы и упиралась в поле с проселком к кладбищенской церкви св. Лазаря. Дом, где мы жили, был едва ли не третий от загородной межи или канавки, заросшей бурьяном. Перед нашими окнами, выходящими на улицу, тянулись только конюшни с маленькими окошечками над стойлами»³². Видимо, Жандармской в народе называли какую-то

²⁵ Там же. Оп. 24. Д. 13. Л. 105.

²⁶ Полонский Я.П. Проза. С. 144.

²⁷ ГАРО. Ф. 609. Оп. 32. Д. 5. Л. 8.

²⁸ Там же. Ф. 627. Оп. 92. Д. 22. Л. 3 об.

²⁹ Полонский Я.П. Проза. С. 144.

³⁰ Там же. С. 146.

³¹ Там же. С. 141–142.

³² Полонский Я.П. Проза. С. 273.

улочку в конце Никольской улицы (ныне Павлова), в том районе, где располагались полковые казармы, конюшни и здание тюрьмы. Упомянутая в «Груне» Солдатская слобода находилась рядом с Лазаревским кладбищем. На этой удаленности жилища Хохловых от дома героя рассказа и основывается развитие сюжета «Груни». Чтобы попасть к приятелю, герою приходится постоянно просить у родных лошадей, что однажды приводит к крупному конфликту. Архитектурный пейзаж от дома героя по пути к городской заставе также воспроизводит облик Рязани начала XIX века: «собор, здание присутственных мест, гимназия, узорные колокольни старинных церквей, холмы и домики...»³³. Если двигаться от дома Кафтыревых, где жил Полонский, по Дворянской улице мимо церкви Николы-Дворянского на Астраханскую, где был большой мост через Лыбедь, то именно в такой последовательности открывались рязанские виды. Со взгорка у церкви Николы-Дворянского просматривался малоэтажный тогда квартал с оврагами, холмами и деревянными домишками, где выделялись внушительные по тем временам двухэтажные каменные корпуса присутственных мест и кафедральный Успенский собор. Виднелись купола церквей на кремлевском холме – Ильинской, Богоявленской, Христорождественской, дальней Спаса на Яру. От Николы-Дворянского шел поворот на Николодворянскую улицу, ведущую на Астраханскую. На пересечении этих улиц представало величественное здание I мужской гимназии. С моста через Лыбедь можно было видеть очертания Екатерининской церкви. Если далее ехать не по Почтовой, а до пересечения Астраханской и Соборной улицы (продолжением которой являлась Московская), то с перекрестка была видна семинарская Владимирская церковь.

Одним из кульминационных стал эпизод, когда герой устроил зимнее катание для своих друзей и их жильца: «Поле объехали мы Солдатскую слободу и мимо тюремного замка поворотили к заставе». Жилец обратился к кучеру: «Ну-тка, базаром-то качни, любезный!»³⁴. То есть от заставы по Московской улице они направились к Новобазарной площади (теперь – площадь Ленина). Накатавшись по центру города, герой повез своих седоков обратно на окраину и лишь затем вернулся домой. Таким образом, забыв об отведенном ему времени, он четыре раза гонял лошадей с одного конца города на другой и так заморил их, что вызвал сильный гнев обычно добродушного дядюшки. Ситуация усугубилась тем, что кучер пожаловался дядюшке, будто его воспитанник «возит каких-то девчат гулять с собой». Слово «девчата» или «девчонки» в контексте рязанской жизни того времени имело весьма нелестную окраску. Местный поэт А.В. Антонов в одном из сатирических стихотворений писал о слободке за Лыбедью, где жили девицы вольного поведения:

Хороши девчонки наши
В той слободушке живут,
Маши, Дунюшки, Любаши
Хоть кого с ума сведут³⁵.

Видимо, это и заподозрил дядюшка, назвав племянника «негодяем» и жестоко оттрепав его. Предположение дядюшки было «так низко, так грубо и несправедливо». Но окружающие готовы были этому поверить: «Моя нянька разинула рот, начала ахать и уронила клубок с нитками. Матушка стала печальна, гостя посмотрела на меня с негодованием»³⁶. Описание бурных, горьких переживаний мальчика, на которого разгневанный дядюшка впервые поднял руку, видимо, восходит к воспоминаниям Полонского о том, какое потрясение он пережил, когда на уроке рисования учитель К.И. Босс за незначительную провинность ударил его («Школьные годы»).

В рассказе «Дом в деревне» точно обозначено положение дома Кафтыревых на пересечении Дворянской и Владимирской улиц, напротив нового здания гимназии: «Только что старый добрый дядя мой Селиверст Семенович услышит звонок губернской школы или шум шагов торопливыми кучками по домам расходившихся школьников, так уже и появляется на нижней ступени парадного крыльца, простоволосый, в летнем сюртуке нараспашку, стоит, трубку сосет, покачивается и ждет...»³⁷. Увидев выходящего из школы племянника, он через всю улицу громко осведомлялся о полученных оценках. На другом конце Дворянской улицы стояла церковь Николы-Дворянского. В рассказе описывается, как вечером (видимо, после службы) мимо дома героя «проходили группы гуляющих и заглядывали к нам в окошки». В этом рассказе упоминается

³³ Там же. С. 142.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ ГАРО. Ф. 869. Оп. I. Д. 595. Л. 10.

³⁶ Полонский Я.П. Проза. С. 159.

³⁷ Полонский Я.П. Рассказы. С. 192.

и Московская улица: героини, подруги Лиза и Катя, «воспитывались на Московской улице у мадам Фляком»³⁸. В Рязани первый частный пансион для девиц возник в 1838 году, когда Полонский заканчивал гимназию. Содержала его иностранка Софья Пелли³⁹.

Одним из главных героев дилогии является дядюшка Селиверст Семенович с его неизменной пеньковой трубкой, привычкой целый день прикладываться к рюмке и в то же время читать нравоучения слугам насчет трезвости, с постоянно вставляемым в речь словечком «именно». Его прототипом послужил дядя по матери и крестный отец Полонского Александр Яковлевич Кафтырев. В письме С.А. Венгеру (21 января 1888 года) поэт признавался: «Я упоминаю о нем в своих воспоминаниях, напечатанных в “Архиве”, и вполне его обрисовываю в своих повестях “Груня” и “Дом в деревне”»⁴⁰. Речь идет о напечатанном в журнале «Русский архив» (1876) очерке Полонского «Мой дядя и кое-что из его рассказов». Об А.Я. Кафтыреве повествуется также в мемуарах поэта и писателя «Старина и мое детство»⁴¹. Образ матери юного героя рассказов «Груня» и «Дом в деревне», видимо, соединяет черты рано скончавшейся матери Полонского (доброту, кротость) и ее сестры Веры Яковлевны Кафтыревой (сдержанность, некоторую замкнутость). Вера Яковлевна была крестной матерью Полонского, она воспитывала Якова и его братьев, когда их овдовевший отец уехал на службу.

К рязанским воспоминаниям Я.П. Полонского восходят и бытовые детали дилогии. В мемуарах «Старина и мое детство» так обрисованы интерьеры дома Кафтыревых: «Стены были оклеены обоями, из-под которых, по местам, живописно выглядывали узоры старых обоев (что мне особенно нравилось)»⁴². «Груня» открывается описанием комнаты героя: «стены ее были оклеены бумажными обоями, которые местами я отодрал из любопытства, чтоб увидеть, нет ли там еще каких узоров. Старинные обои с наляпанными купидонами, которых существование я открыл между двумя слоями наклеенных цветных бумажек, в особенности доставили мне... удовольствие»⁴³. По старинке кушанья в доме Кафтыревых подавали на стол в горшках, что вызвало ироничный возглас одного из гостей: «Какое обширное поле горшков!»⁴⁴. Так же говорится о застолье в доме Хрустиных («Дом в деревне»): «на столе... было, по выражению одного провинциала, обширное поле горшков»⁴⁵. Передняя дома Кафтыревых, по словам Полонского, была «отчасти мастерской». Тут работали домашние башмачники и сапожники, «вечно пахло сапожным варом, клоповником, ваксой, салом». Впрочем, замечал писатель, «такие же точно передние были во многих барских домах, в особенности в деревенских усадьбах у старосветских помещиков»⁴⁶. В доме Хрустиных тоже передняя «в будни превращалась в мастерскую башмачника и страшно пахла кожей, салом и клоповником, т.е. вениками, развешанными на стене...»⁴⁷. В обоих рассказах упоминается о том, как по утрам герой, по обыкновению, приходил здороваться к дяде в кабинет. Тот, сидя в кресле, читал газету, «прихлебывая чай из простывшей чашки, стоявшей перед ним на круглом китайском столике»⁴⁸. В мемуарах «Старина и мое детство» Я.П. Полонский писал, что в доме Кафтыревых, особенно в кабинете дяди, было много китайских вещей. У героя «Дома в деревне» Скандинавцева легавый пес носит кличку Пижон. Так звали охотничью собаку А.Я. Кафтырева.

Отдельные ситуации рассказов также навеяны детскими и юношескими воспоминаниями Полонского. В «Доме в деревне» речь идет о безвременно ушедшей из жизни сестре Лизы Хрустиной – Софье, девушке доброй и кроткой. Вероятно, этот эпизод связан с потрясшей когда-то подростка Полонского смертью юной дочери Александры Петровны Тюрберт, к которой Яков ходил учиться французскому языку. Не случайно имя и отчество этой девушки – Софья

³⁸ Там же. С. 193, 220.

³⁹ Кусова И.Г. Женщины в истории рязанского предпринимательства // Шестые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 12–15 октября 2010 года. Рязань : Изд-во РИАМЗ, 2012. С. 282.

⁴⁰ Соколов Н.А. Из писем Я.П. Полонского к профессору С.А. Венгеру // Труды общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1927. Вып. 7. С. 12.

⁴¹ Грачева И.В. Умские, Кафтыревы: комментарии к воспоминаниям Я.П. Полонского // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т.В. Федосеева. Рязань : Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2015. С. 293–303.

⁴² Полонский Я.П. Проза. С. 281.

⁴³ Там же. С. 138.

⁴⁴ Там же. С. 287.

⁴⁵ Полонский Я.П. Рассказы. С. 208.

⁴⁶ Полонский Я.П. Проза. С. 281.

⁴⁷ Полонский Я.П. Рассказы. С. 225.

⁴⁸ Там же. С. 140.

Антоновна – Полонский дал героине своего рассказа. Повествование о тайной любви Лизы Хрустиной, решившейся на побег из дома, возможно, было подсказано рязанскими скандальными событиями, о которых писатель упомянул в «Школьных годах». В гимназии немецкий язык преподавал Карл Антонович Бок: «Кажется, у Бока были взрослые дочери, из которых одна сбежала и вышла за кого-то замуж – такие были тогда в Рязани слухи...»⁴⁹. У Бока было пять дочерей от двух браков. Речь, скорее всего, шла о старшей – Елизавете-Вильгельмине-Софье (или просто Лизе) – дочери от первого брака. Когда Я.П. Полонский покидал Рязань, чтобы поступить в университет, ей шел шестнадцатый год. Лиза из «Дома в деревне» тоже дочь Хрустина от первого брака. Во всяком случае, когда писатель работал над диалогией, ему почему-то вспоминался Бок, и он ввел его в рассказ «Груня». Обиженный дядей герой готов был бежать из дома, но, выскочив на улицу, остановился: «По тротуару, скрипя по снегу, шагах в десяти от меня шел наш немецкий учитель. Стало совестно попадаться ему в одном сюртуке нараспашку, с заплаканными глазами»⁵⁰. Полонский вспоминал и о том, как его гимназический знакомый С.Т. Славутинский «увозом» обвенчался со своей избранницей.

Труднее выявить прототипы главных героинь рассказов «Груня» и «Дом в деревне». Скорее всего, Груня и Лиза Хрустина – это не перенесение в художественный текст конкретных женских портретов и судеб. Автор стремился лишь воссоздать ту атмосферу напряженных эмоциональных переживаний, в которую его погружало раннее равнодушие к девичьей красоте. Характерно, что, рассказывая в очерках «Старина и мое детство» о невинных детских симпатиях к знакомым девочкам, он целомудренно умалчивает в «Школьных годах» о более глубоких и серьезных увлечениях юношеского возраста, которые, несомненно, были. Впоследствии в стихотворении «Дни изменчивы» Полонский признавался, что был «школьником влюбчивым» и очень страдал от невнимания девиц, пленявших его неопытное сердце:

Мой жадный ум был полн любовной чепухи –
И сердце жаждало утешиться их лаской...
Но бедный мальчуган, негодный в женихи,
В романе жизни их не мог служить завязкой.

Когда, вновь посетив Рязань, он признался одной из прежних знакомых, что когда-то был всерьез увлечен ею, то она рассмеялась:

Какие глупости! Возможно ли долбить
Из Катехизиса уроки и – любить!⁵¹

Таким образом, рассказы Я.П. Полонского «Груня» и «Дом в деревне» можно считать своеобразными, беллетристически обработанными дополнениями к мемуарам «Старина и мое детство» и «Школьные годы».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. 49. – Оп. 1. – Д. 174 ; Ф. 98. – Оп. 49. – Д. 16 ; Ф. 609. – Оп. 24. – Д. 13, 59 ; Оп. 25. – Д. 4 ; Оп. 26. – Д. 16 ; Оп. 28. – Д. 22 ; Оп. 32. – Д. 5 ; Ф. 627. – Оп. 92. – Д. 22 ; Ф. 869. – Оп. 1. – Д. 595.
2. Грачева, И.В. Умские, Кафтыревы: комментарии к воспоминаниям Я.П. Полонского [Текст] // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т.В. Федосеева. – Рязань : Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2015. – С. 293–303.
3. Историческая записка рязанской I мужской гимназии. 1804–1904 [Текст]. – Репр. изд. – Рязань : Изд-во РГПУ, 1995. – 360 с.
4. Кусова, И.Г. Женщины в истории рязанского предпринимательства [Текст] // Шестые Яхонтовские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 12–15 октября 2010 года. – Рязань : Изд-во РИАМЗ, 2012. – С. 264–290.
5. Полонский, Я.П. Полн. собр. стихотворений [Текст] : в 5 т. – СПб. : Тип. А.Ф. Маркса, 1896. – Т. 3. – 484 с.
6. Полонский, Я.П. Проза [Текст] / сост., вступ. ст. Э.А. Полоцкой. – М. : Советская Россия, 1988. – 496 с.
7. Полонский, Я.П. Рассказы [Текст]. – СПб. : Тип. Рюмина и К°, 1859. – 274 с.

⁴⁹ Полонский Я.П. Проза. С. 344.

⁵⁰ Там же. С. 139.

⁵¹ Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений : в 5 т. СПб. : Тип. А.Ф. Маркса, 1896. Т. 3. С. 82.

8. Соколов, Н.А. Из писем Я.П. Полонского к профессору С.А. Венгеру [Текст] // Труды общества исследователей Рязанского края. – Рязань, 1927. – Вып. 7. – С. 11–13.

REFERENCES

1. Gosydarstvennii arhiv Ryazanskoi oblasti (GARO). – F. 49. – Op. 1. – D. 174 ; F. 98. – Op. 49. – D. 16 ; F. 609. – Op. 24. – D. 13, 59 ; Op. 25. – D. 4 ; Op. 26. – D. 16 ; Op. 28. – D. 22 ; Op. 32. – D. 5 ; F. 627. – Op. 92. – D. 22 ; F. 869. – Op. I. – D. 595.
2. Gracheva, I.V. Ymskie, Kaftirevi: kommentarii k vospominaniyam Ya.P. Polonskogo [Text] // Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha : sb. naych. st. po materialam mejdynar. naych.-prakt. konf., 27–29 maya 2015 goda / sost. i naych. red. T.V. Fedoseeva. – Ryazan : Izd-vo RGY imeni S.A. Esenina, 2015. – S. 293–303.
3. Istoricheskaya zapiska ryazanskoi I myjskoi gimnazii. 1804–1904 [Text]. – Repr. izd. – Ryazan : Izd-vo RGPY, 1995. – 360 s.
4. Kysova, I.G. Jenshini v istorii ryazanskogo predprinimatelstva [Text] // Shestie Yahontovskie chteniya : materialy mejregion. naych.-prakt. konf., 12–15 oktyabrya 2010 goda. – Ryazan : Izd-vo RIAMZ, 2012. – S. 264–290.
5. Polonskii, Ya.P. Poln. sobr. stihotvorenii [Text] : v 5 t. – SPb. : Tip. A.F. Marksa, 1896. – T. 3. – 484 s.
6. Polonskii, Ya.P. Proza [Text] / sost., vstyp. st. E.A. Polockoi. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1988. – 496 s.
7. Polonskii, Ya.P. Rasskazi [Text]. – SPb. : Tip. Rumina i K^o, 1859. – 274 s.
8. Sokolov, N.A. Iz pisem Ya.P. Polonskogo k professory S.A. Vengerovy [Text] // Trydi obshestva issledovatelei Ryazanskogo kraja. – Ryazan, 1927. – Vip. 7. – S. 11–13.

I.V. Gracheva

RYAZAN-RELATED REALIA IN J.P. POLONSKY'S SHORT STORIES “GRUNYA” AND “A COUNTRY HOUSE”

The paper analyzes the way Ryazan-related realia and autobiographical materials are reflected in J.P. Polonsky's short stories “Grunya” and “A Country House”. Though J.P. Polonsky himself admitted that these works were based on his adolescent reminiscences, the autobiographical aspect of these stories is under-investigated. The paper focuses on potential prototypes of the recurring protagonists of J.P. Polonsky's works. We can find J.P. Polonsky's hints at real prototypes of Sasha Krasilsky and uncle Sylvester Semenovich, but we can only make wide guesses about a prototype of Vasily Khokhlov. To comment on J.P. Polonsky's stories, the author analyzes J.P. Polonsky's memoirs “The Old Days and My Childhood” and “My School Years”, works on local history and archival materials. The stories depict a provincial town, in which one can easily recognize Ryazan. The author masterfully sketches urban landscapes. Some routine details described in the stories are inspired by J.P. Polonsky's reminiscences of the Kaftyrevs' house in Dvoryanskaya Street. The research enables one to see the writer's work from real facts to artistic images.

J.P. Polonsky, early stories, “Grunya”, “A Country House”, autobiographical aspects, Ryazan-related realia, characters, prototypes.